

— Слушай, — продолжал я, видя его доброе расположение. Как тебя назвать, не знаю, да и знать не хочу... Но бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй того, что противно чести моей и христианской совести. Ты мой благодетель. Доверши, как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам бог путь укажет. А мы, где бы ты ни был, и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем бога молить о спасении грешной твоей души...

Казалось, суровая душа Пугачева была тронута. «Ин быть по-твоему!» — сказал он. «Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!»

Тут он оборотился к Швабрину и велел выдать мне пропуск во все заставы и крепости, подвластные ему. Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остоленбелый. Пугачев отправился осматривать крепость. Швабрин его сопровождал; а я остался под предлогом приготовлений к отъезду.

Я побежал в светлицу. Двери были закрыты. Я постучался. «Кто там?» спросила Палаша. Я назвался. Милый голосок Марьи Ивановны раздался из-за дверей. «Погодите, Петр Андреевич. Я переодеваюсь. Ступайте к Акулине Памфиловне: я сейчас туда же буду.»

Я повиновался и пошел в дом отца Герасима. И он и попадья выбежали ко мне на встречу. Савельич их уже предупредил. «Здравствуйте, Петр Андреевич» говорила попадья. «Привел бог опять увидеться. Как поживаете? А мы-то про вас каждый день поминали. А Марья-то Ивановна всего натерпелась без вас, моя голубушка!... Да скажите, мой отец, как это вы с Пугачевым-то поладили! Как он это вас не уколошил? Добро, спасибо злодею и за то.» — Полно, старуха, — прервал отец Герасим. —